

Князь Б.В. Голицын на страницах романа Л.Н. Толстого "Война и мир"

В начале 1994 г. в Москве, на Волхонке, открылся Музей личных коллекций. Большое место в нем занимает Собрание доктора искусствоведения И.С.Зильберштейна, в котором находится и портрет князя Бориса Владимировича Голицына (1769 - 1813) работы немецкого художника Александра Молиари (1772 - 1831), портретиста, ученика Берлинской академии художеств. В Петербурге он работал с 1806 по 1816 гг. Портрет кн. Б.В. Голицына был написан, очевидно, в первые годы пребывания художника в столице.

К открытию этого нового музея был выпущен каталог под названием "Произведения русских и западноевропейских мастеров XVI - начала XX века из Собрания И.С. Зильберштейна". В этом Каталоге воспроизведена статья самого И.С.Зильберштейна "Воспоминания и мысли о собирательстве", перепечатанная из его же прежнего каталога "Западноевропейский рисунок и живопись из Собрания доктора искусствоведения И.С. Зильберштейна"ⁱⁱ. В статье большой абзац посвящен портрету кн. Б.В. Голицына. Он пишет: «Один лист, попавший в мое собрание благодаря вниманию и содействию Б.В.Власова, как бы вошел в мою жизнь, настолько я его полюбил. Это изображение князя Б.В. Голицына, по-видимому послужившего Л.Н.Толстому прообразом Андрея Болконского. Пленительной прелести и высокого качества лист был исполнен немецким художником Александром Молиари, жившим в 1806-1816 годы в России. На грандиозной "Историко-художественной выставке русских портретов", организованной С.П.Дягилевым, в 1905 году в Таврическом дворце в Петербурге, экспонировались шесть портретов Голицыных, нарисованных Молиари в 1807-1811 годах, но из этих листов ныне известен лишь тот, что находится в моей коллекции»ⁱⁱⁱ.

В этой выдержке из статьи Зильберштейна привлекает внимание мысль, предполагающая прототипическую близость между кн. Б.В. Голицыным и образом князя Андрея Болконского в романе Л.Н.Толстого "Война и мир". Писатель живо интересовался Голицыным как во время созданий эпопеи в 60-е годы, так и в 70-е годы прошлого века, когда собирал материалы для романа из эпохи Петра I.

Своеобразие романа "Война и мир" состоит в том, что история незаметно для читателя переходит в роман, а роман в историю. Лица исторические, реальные сосуществуют вместе с персонажами вымышленными, неизвестными. На это обстоятельство обратил внимание участник Бородинского сражения, поэт и писатель кн. П.А. Вяземский в своей статье "Воспоминания о 1812 годе", отметивший, что автор романа не был в этом произведении строгим историческим живописцем^{iv}.

Как известно, сам Л.Н.Толстой отрицательно относился к поискам прототипов своих героев. И тем не менее мы можем поставить вопрос о том, что сближает князя Андрея Болконского и князя Бориса Голицына, существует ли вообще какая-нибудь типологическая близость между ними?

Первое, что сближает их, это происхождение: оба принадлежат к древнейшим русским княжеским родам. Оба - русские аристократы, принадлежат к тому сословию людей, которых называют "comme il faut", а первое и главное отличие людей этого типа - безукоризненное владение французским языком, особенно его устной речью, правильным произношением.

Князь Андрей и князь Борис - профессиональные военные; первый сначала является читателям в качестве адъютанта Кутузова в чине полковника, затем на Бородинском поле - в качестве командира полка; второй - генерал-лейтенант, был прикомандирован к Главной квартире Соединенных армий, оба будут смертельно ранены на Бородинском поле. Тот и другой были помещиками: поместье одного находилось в 60 верстах к востоку от Смоленска, поместье другого - в 40 верстах от Москвы, в Вяземах, близ Можайской дороги. Если князь Андрей был женат и имел сына, то князь Борис был холост, однако имел двух внебрачных детей - малюток, которые окажутся на попечении его младшего брата кн. А.В. Голицына, впоследствии Московского градоначальника. Князь Борис несколько старше князя Андрея,

он умер 44 лет. На этом можно завершить сравнение, признав, что типологическое сходство между ними весьма невелико и носит самый общий характер.

Сама мысль, что князь Голицын мог послужить прообразом князя Андрея, кажется нам недоразумением: изучение черновиков романа "Война и мир" полностью подтверждает это, ибо в тексте романа (как в окончательной редакции, так и в черновиках) Голицын выступает как реальное лицо. Следует, однако, заметить, что у автора "Войны и мира" в окончательном

тексте романа имя Голицына отсутствует, упоминается лишь фамилия: летом 1812 г. в Москву, на Поварскую улицу, в дом Ростовых приезжает Пьер. За обедом один из гостей рассказывает городские новости...

«Хватают, хватают, - сказал -граф (Ростов. - В.Ц.), - я графине и то говорю, чтобы поменьше говорила по-французски. Теперь не время». А слышали? - сказал Шиншин. - Князь Голицын русского учителя взял, по-русски учится – *il commence a devenir dangereux de parler francais dans les rues* (становится опасным говорить по-французски на улицах)»^v.

Этот эпизод описан дважды, но в разных черновиках по-разному. Возьмем 14-й том Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого и раскроем на 54-й странице^{vi}. Здесь рассказывается о том, что всю весну и лето Ростовы провели в Москве и что Пьер тоже жил в Москве и каждый день ездил к Ростовым. Он говорил по-французски, не умея говорить так же хорошо по-русски. Приехав однажды к Ростовым (на календаре было 11 июля 181? г.), Пьер Оказался наедине с Наташей Ростовою и стал ей рассказывать городские новости. Вот как описывает эту ситуацию сам Толстой:

«Pierre остался один с Наташей и стал ей рассказывать, как он умел, смешные новости города о прогнании французской труппы (*une victoire reportee par les russes*; - победа, одержанная русскими), потом о том, как модные дамы учатся по-русски и князь Б/орис/ В/ладимирович/ Голицын взял себе учителя. Наташа/зачеркнуто: слабо /улыбалась его шуткам, но оживлялась только тогда, когда он рассказывал ей о положении дел».

В этом черновике писатель впервые воспроизводит инициалы князя Голицына. Следует, однако заметить, кн.Б.В. Голицын принялся за "русское учение" и стал приглашать себе русских учителей не в 1812 г., а гораздо раньше, после того как вышел в отставку в 1806 г. "по болезни" и вернулся к литературной деятельности, т.е. не позже 1808 г. Вместе со своим младшим братом кн.- Дмитрием (кн. Д.В. Голицын, 1771 - 1844, впоследствии генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор с 1820 г.) князь Б.В.Голицын около десяти лет провел за границей, сначала в Страсбурге, затем в Париже, где братья готовили себя к военной карьере. За границей жили и их родители, которые стремились дать своим сыновьям блестящее образование и воспитание. Поэтому Борис и -Дмитрий до конца своей жизни слабо владели русским языком и лишь в зрелые годы пришли к мысли о своем русском "перевоспитании". Кн. Б.В.Голицын начинал свою литературную деятельность во Франции как французский поэт, а французский язык в ту пору был универсальным языком Европы, языком великосветского общества и дворянской культуры. Появилась даже русская литература на французском языке, имевшая свой смысл и историческое объяснение. Среди этих "офранцузенных литераторов" видное место занимал кн.Б.В. Голицын.

По мере приближения наполеоновских войск к Москве в конце июля 1812 г. из города стали уезжать дворяне, для которых французский язык был родным, пока французы не пришли на их землю. Именно этот момент в жизни Москвы и стремился запечатлеть в своем романе Л.Н. Толстой.

А теперь обратимся еще к одному чиновнику Л.Н. Толстого, в котором идет речь о кн.Голицыне. Здесь есть отчего прийти в недоумение: перед фамилией Голицына появляются новые инициалы "А.Б.", но фраза, которая приписывается кн. А.Б. Голицыну, на самом деле могла принадлежать только князю Б.В. Голицыну, что правильно поняли толстоведы.

«Он (Pierre - В.Ц.) не засиживался дома и, как вставал, ходил по городу и знакомым. Все говорили по-русски.

*Вы слышали: мы не колебнулись, - говорила ему Жюли Друбецкая, щипля корпию.

*Это подобной древней Риму геройства, - сказал ему А.Б. Голицын »^{vii}.

Воспроизводя эти высказывания русских аристократов на ломаном русском языке с иронией, даже с издевкой, Л.Толстой в другом месте писал следующее: «Древние оставили нам образцы героических поэм, в которых герои составляют весь интерес истории. Для нашего человеческого времени история такого рода не имеет смысла »^{viii}. Великий писатель задался целью развенчать в романе тип героя вообще.

В примечаниях к роману комментатор издания Л.Д. Опульская-Громова," без всякого сомнения, патриотическую фразу совершенно правильно приписывает кн. Б.В.Голицыну, не замечая того, что в рукописи Толстого стоят другие инициалы^{ix} - А Б.

В чем же тут дело? Князь Александр Борисович Голицын (1792-1865) - это реальное историческое лицо: в 1812 г. он был бессменным ординарцем, адъютантом М.И. Кутузова (в чине корнета) и оставался на этом посту до конца 1812 г., кн. А.Б. Голицын оставил после себя записки об Отечественной войне 1812 г., которые первоначально были напечатаны в

военном журнале 1859 г. с некоторыми сокращениями. Впоследствии, в 1911 г., они были опубликованы К. Военским без сокращений под названием "Записки о войне 1812 года князя А.Б. Голицына" в сборнике "Отечественная война 1812 года в записках современников" (Материалы Военно-Ученого Архива)^x. Именно "Записками о войне 1812 года князя А.Б. Голицына", опубликованными в военном журнале, и пользовался Толстой при создании романа "Война и мир". Писателю глубоко импонировал тот образ главнокомандующего, который сложился в воспоминаниях молодого адъютанта. Как пишет публикатор этих записок, « близость князя А.Б. к главнокомандующему дала ему возможность сделать множество наблюдений, касающихся деятельности и жизни главной квартиры Кутузова, что придает его запискам особый интерес »^{xi}. Записки написаны на русском языке (так не мог писать кн. Б.В. Голицын!), высказывания М.И. Кутузова приведены в "Записках" на французском языке как подлинные.

Записки рисуют русского главнокомандующего в самые ответственные и драматические эпизоды войны 1812 г., они изображают его не как "штыкового генерала", а как одного из «первейших полководцев, выдающегося стратега, который в силу создавшихся условий мог проводить только тайное совещание... Собственно с собою», чтобы действовать безошибочно и крайне осторожно. Искусство ведения войны, новой по своему существу, которая не была похожа ни на какую другую из предыдущих войн, опытность и знание стратегии должны были заменить недостаток войск.

С другой стороны, мы видим простого старого человека, обремененного величайшей ответственностью за судьбу России, Отечества и армии. Вот он присел на скамеечку близ большой дороги в ожидании донесения от Милорадовича, вот пьет чай в окружении мужиков, которым даёт наставления и в которых вселяет уверенность в победе. Мы видим его за обедом, когда ему подают прекрасную уху из стерлядей, присланных калужскими купцами... Такое изображение Кутузова соответствовало взглядам Толстого, отмечавшего в русском главнокомандующем «одну способность спокойного созерцания хода событий», который «не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что ему предлагали».

Когда Толстой оформлял окончательный текст романа, ему уже было безразлично, кто именно из Голицыных взял себе русского учителя, и писатель опустил инициалы перед фамилией! Поэтому при комментировании этого эпизода в романе можно было бы опустить вводное слово "по-видимому".

...Таким образом, мысль, высказанная И.С.Зильберштейном о том, что прообразом кн. Андрея Болконского мог быть кн. Б.В. Голицын, основана на недоразумении: кто-то из текстологов-толстоведов сказал коллекционерам и собирателям при обнаружении листа с изображением кн. Б.В.Голицына, что он выведен в романе Л.Н. Толстого "Война и мир". Стали искать в романе этот прообраз нашли то, что лежало на поверхности: весьма отдаленное типологическое сходство между князьями, конечно, есть, но не более того. Как известно, литературная наука весьма осторожно относится к поискам прототипов, справедливо видя в этом опасность примитивной вульгаризации и опошления художественного образа. Искусствоведы не заметили, что писатель упомянул князя в качестве реального лица в одном из эпизодов московской летней жизни 1812 г., упомянул с иронией, опустив при этом инициалы князя: конкретизировать эпизодический образ не входило в планы писателя, ибо перед ним стояли другие задачи. Черновики Толстого показывают нам, кого он имел в виду, когда указывал на эту фамилию в реплике Шиншина, но так как в России, по словам секретаря Наполеона Эдуарда Мунье, « князей с этой фамилией около дюжины...»^{xii}, то немудрено, что и сам Толстой мог ошибиться, вложив в уста адъютанта М.И. Кутузова патриотическую фразу, которая как раз характерна для кн. Б.В.Голицына. Для Толстого было важно другое: он хотел показать довольно искусственную общественную переориентацию московского дворянства на фоне патриотического возбуждения, вызванного вступлением наполеоновских войск в пределы России и приближением Их к Москве.

Пафос толстовского романа состоял прежде всего в дегероизации, в развенчании личного героизма не только исторических деятелей, реальных лиц и персонажей, но и вообще в отрицании особой роли личности в истории. Подлинным героем романа была сама жизнь, живая, естественная, жизнь, исполненная неторопливого хода и вечного обновления.

Примечания

-
- ⁱ Произведения русских и западноевропейских мастеров XVI- начала XX века из Собрания И.С. Зильберштейна. Общ. ред. док. искусствоведения И.Е. Даниловой и Е.С. Левитина. М., 1993.
- ⁱⁱ *Зильберштейн И.С.* Воспоминания и мысли о собирательстве//Каталог: Западноевропейский рисунок и живопись из Собрания доктора искусствоведения И.С. Зильберштейна. М., 1973,с.8-16.
- ⁱⁱⁱ Там же.с.14-15.
- ^{iv} *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе // *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика, М.,1984,с.266-267 .
- ^v *Толстой Л.Н.* Война и мир. М.1983.Т.3, с.92.
- ^{vi} Толстой Л.Н. Полн. соб. соч. М.;1953.Т.14,с.54 (№ 168,рук.№ 89,т.Ш,ч.1,гл.XVI -XXIII).
- ^{vii} Там же, с.93 (№ 178,рук.№ 89,т.Ш,ч.2,гл. XVI-XXI).
- ^{viii} Там же. т. 6,с, 163.
- ^{ix} *Толстой Л.Н.* Война и мир. т.3, с.778.
- ^x *Голицын А.Б.* Записки о войне 1812 года князя А.Б.Голицына//*Военский К.* Отечественная война 1812 г. в записках современников (Материалы Военно-Ученого Архива). СПб.,1911,с.67-80.
- ^{xi} Там же, с. 17.
- ^{xii} *Шереметьев П.С.* Вяземы. Пг., 1916, с 164.